

Русская нация



А. В. Журавский,
кандидат исторических наук,
кандидат богословия

Кто мы?

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» — такими словами начинается Основной закон нашей страны. За местоименной множественностью «мы» и существительным единством «народ» кроется гораздо большее, чем представляется многим. В диалектическом «мы-народ», как в семени злака, содержится и единство формы, и множественность содержания (зерно — колос — хлеб). Так кто скрывается за местоимением «мы»?

Почему законодатель использовал *pluralis majestatis* (с лат. — «множественное величие») — форму употребления местоимения множественного числа, применяемую к монархам, папам римским, а в религиозных текстах — к Богу или пророкам? Что за сложная форма идентичности содержится в преамбуле Конституции Российской Федерации?

«Мы» — это персонально граждане Российской Федерации, объединенные в многонациональный народ (гражданскую нацию). Люди, объединенные общим гражданством и гражданской идентичностью. Но «мы» — это еще и этнические общности (этносы, народы) России, объединенные в нацию политическую. Сейчас принято говорить, что Россия — семья семей, семья народов, то есть «много-



Иллюстрации из альбома Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов Российской империи» (1862).

Более подробно можно посмотреть на сайте АНО «Руниверс»: <https://runivers.ru/library/16792.html>

национальный народ Российской Федерации» или, как уточнили изменения в Конституции 2020 года, «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (часть 1 статьи 68).

За три десятилетия постсоветской истории объём понятия «многонациональный народ» менялся, не получая окончательной, застывшей формулировки. В 1990-е, в эпоху «парада суверенитетов», эта формула служила скорее юридическим щитом — попыткой удержать расплывающуюся ткань государственности и деградирующего федерализма. Тогда в российских регионах весьма популярной трактовкой конституционного термина была такая: многонациональный народ — это народ, состоящий из суверенных наций. Наций, имеющих право на самоопределение, вплоть до отделения. И эта трактовка базировалась на политическом призыве Б. Ельцина 1990 года: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»; на принятии деклараций о суверенитете республик и автономных округов и на постепенной децентрализации управления страной.

Укрепление государственности и федерального центра в 2000-е годы сместило акценты в трактовке федерализма в пользу государственной целостности, единства системы государственной власти, верховенства федеральных законов на всей территории страны и бюджетного федерализма. Одновременно конституционное положение части 3 статьи 5 о «равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» стало трактоваться как «самоопределение народов в [составе] Российской Федерации», имеющее формы национально-территориальной или национально-культурной автономий.

Окончательную определённость в вопрос об иллюзиях региональных сепаратистов о «самоопределении, вплоть до отделения» внесли изменения 2020 года, внесённые в статью 67 Конституции, где в части 2.1 было сказано: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части террито-

рии Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются».

Правильный ответ на фундаментальный вопрос — кто же мы на самом деле? — является ключевым для самоопределения нас как нации и государства как государства-цивилизации. Так какова наша коллективная идентичность?

Следует честно признать, что подобными вопросами после распада биполярной системы мироустройства мучились все. И американские интеллектуалы (С. Хантингтон, П. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, Н. Хомский, М. Линд, Р. Инглхарт, Р. Даутэт, П. Спардинг и др.), в разной мере и с разных позиций осознавшие, что «конец истории» оказался симулякром, как и способность американского «плавильного котла» переварить прибывающие пассионарные идентичности (что еще более усугубили последствия теракта 11 сентября), снижение экономической, а отчасти и политической роли США в мире, эрозию демократических ценностей в самой Америке. Три десятилетия не стихают эмоциональные дискуссии европейских интеллектуалов (Ю. Хабермас, У. Эко, Ж. Деррида, Ф. Черутти, Ж. Бодрийяр, М. Гарнетт, Д. Скелтон, А. Мушг, Э. Тодд и др.) о политической и национальной идентичности современной Европы, Франции, Германии, Британии и их будущем. Дискуссии идут и в латиноамериканских странах, и в африканских, и даже в Китае. Мучительный поиск себя, собственной идентичности связан не только с окончательной деградацией и нежизнеспособностью старых институтов биполярного мироустройства (ООН, НАТО, ЕС, Совет Европы, ОБСЕ и др.), навязанным западной цивилизации трансгуманизмом, мировыми миграционными волнами, несущими свои культурные и религиозные предпочтения, конфликтующие с ценностями принимающих сообществ, но и, конечно, с процессом формирования нового миропорядка, где всем предстоит понять, кто он в этом новом мире и какова его новая роль.

Сегодня наш поиск идентичности перешел из сугубо правовой плоскости (особенно с учетом появления с 2020 года конституционных норм в отношении русского языка как языка государствообразующего народа) в цивилизационную. Ожесточенные дискуссии в

социальных сетях о миграции и национальной политике, попытки извне использовать национальный и религиозный факторы как разрушительные и конфликтные для многоукладной России вроде бы должны поставить перед нами дилемму, которая веками занимала умы лучших мыслителей и политических стратегов (чаще всего западных и в неблагоприятных целях): является ли национальное многообразие России «пороховой бочкой», скрытой угрозой её целостности, или же оно представляет собой источник уникальной, почти мистической силы? Этническое многообразие — угроза или потенциал?

Хребет цивилизации: как устроено единство многоукладной России

Действительно, внешнему западному наблюдателю российское единство часто кажется парадоксальным. Традиционный путь западных демократий — путь жесткой ассимиляции и создания «плавильного котла» — в наших реалиях раз за разом доказывает свою историческую несостоятельность. Российский опыт предлагает иную, гораздо более сложную модель. И, как показывает трагический опыт западной цивилизации, мы оказываемся дальновиднее.

Россия — государство-цивилизация. В этой системе единство достигается не через принудительную унификацию и насильственное стирание различий, а через их признание, интеграцию, органичное сосуществование с другими частями единого целого. Подобно частице в квантовой физике, гражданин страны способен находиться в нескольких состояниях одновременно (в квантовой физике этот принцип называется суперпозицией состояний).

Гражданин может быть носителем многих признаваемых (и поддерживаемых) государством идентичностей: быть частью своей малой родины (эта локальная географическая идентичность поддерживается, например, изучением в школах местной истории), отождествлять себя с конкретным народом (этническая идентичность, например, сохраняется через изучение в школах родных языков народов России), сохранять верность вере пред-

ков (не запрещённые законодательством религиозные традиции и организации поддерживаются государством) и при этом в полной мере осознавать себя гражданином большой страны, обладать гражданской идентичностью. И эта гражданская идентичность для государства — самая важная. Именно из неё проистекают все права и возможности гражданина России. Она — базовая для неконфликтной иерархии идентичностей.

Любая сложная система нуждается в каркасе, который обеспечивает целостность сложного, сообщает многообразному единство, не позволяя ему распастись на конфликтующие фрагменты. Этим «цивилизационным хребтом», удерживающим колоссальный многоукладный мир страны — от арктических кочевий до ультрасовременных мегаполисов, — выступают русская культура и русский язык. Именно этот фундамент позволяет «русскому чеченцу» или «русскому татарину» находить общий язык, не теряя собственной идентичности.

Народное и национальное

Попытка определить национальную принадлежность в России часто натывается на лингвистическую ловушку, непонятную западному исследователю. В англосаксонской традиции термин *nationality* практически полностью синонимичен гражданству. Мы об этом узнаём, когда в загранпаспорте в графе *Nationality* читаем не «русский», «даргинец» или «якут», а *Russian Federation*. Для человека Запада суверенитет, нация и паспорт — это грани одной и той же системы. В российской политической традиции между «национальным», «этническим» и «государственным» не стоит знака равенства. И у этих дистанций — своя история.

В Российской империи термин «народ» укореняется в Московском царстве с XVII века и поначалу используется преимущественно с религиозными коннотациями (народ Божий, верующий народ). Широкое распространение этого понятия связывают с традицией, привнесённой через самое распространённое историческое сочинение в Московском царстве — «Синописис» Иннокентия (Гизеля), архимандрита Киево-Печерской лавры. Там упоминается православ-

но-российский народ, утверждается мысль о единой государственной традиции Древнерусского государства, обосновывается концепция триединого русского народа. С XVIII века термин «народ» уже широко употребим и в литературе, и в речи. Применяется как в отношении населения (например, народные песни или народ российский), верующих (народ православный), так и в этническом смысле (хотя понятие «этнос» ещё не появилось).

Слово «нация» приходит в Российскую империю в XVIII веке — отчасти как синоним «иностранной державы», отчасти как синоним народа, но сохраняет статус чужеродного и заимствованного вплоть до середины XIX века. Что и понятно. Термин «нация» был использован Великой французской революцией как антимонархическое понятие внесловного сообщества граждан, обладающего суверенитетом и правом политического представительства. «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации», — утверждалось во французской «Декларации прав человека и гражданина» (1789). Позже этот термин пытались использовать декабристы и реформаторы, чем ещё более дискредитировали это понятие в глазах монархической власти. Характерно, что в русском переводе «Декларации» (1904) термин «нация» был переведён как «народ». Идиосинкразия к заимствованному термину с революционным анамнезом сохранялась. Зато благодаря известной триаде графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность» появилась антитеза политически ангажированным терминам «нация» и «национальный» — «народность». Новый термин запустил в обществе широкую дискуссию: что же это за новое явление? Однако к началу XX века «народность» вдруг приобрела значение малого нерусского народа, этноса (например, алтайские народности). Возникла даже терминологическая иерархия: народность может развиваться в национальность, а национальность — в нацию. Любопытно, что позже советская антропология и этнография реабилитируют эту модель.

Несмотря на то что после Польского восстания 1863–1864 годов «национальный вопрос» стал рассматриваться властью как про-

блемный и деструктивный по отношению к государственности, в конце XIX века в среде интеллектуалов — светских и религиозных, русских и инородческих, представляющих разные идеологические лагеря, — началась битва за легитимацию и апроприацию понятий «нация», «национальное», «национализм». Последний стал даже примеряться к русскому народу как коллективное состояние отставания народных прав, идей и представительства. Замаячили парламентаризм, оживление национального самосознания окраин, две революции и новое государственное устройство.

И всё же до 1917 года национальность (в смысле этничности) в Российской империи так и не оформилась в государственный маркер. Во время Первой всеобщей переписи населения 1897 года вопрос о национальности отсутствовал. В переписном листе значились вопросы о вероисповедании и родном языке. По языку и определялось количество представителей того или иного народа. Носители русского языка (великороссы), малороссийского и белорусского наречий официально считались русскими в логике триединого русского народа.

При этом никакой «тюрьмой народов» Российская империя, конечно, не являлась. Права инородцев (так именовались нерусские народы) не только не ограничивались, а, напротив, расширялись по сравнению с основным населением империи (это касалось налогов, освобождения от призыва в армию многих сибирских, дальневосточных, кавказских и среднеазиатских народов и прочего). Государство активно занималось просветительской деятельностью.

Благодаря этому разрозненно, но необратимо, чаще всего с целью христианизации иноверческого населения (или пребывающего в язычестве и шаманизме), в XVIII–XIX веках появлялись первые кириллические азбуки на прежде бесписьменных языках. В XIX веке благодаря государству, православным миссионерам и этнографам собственная письменность, школы, инородческая интеллигенция — педагогическая и духовная — появились у многих российских народов: поволжских (крещёные татары / кряшены, мордва,

чуваши, вотяки / удмурты, черемисы / марийцы), алтайских, сибирских, северо-западных финно-угорских... Российская империя не была «тюрьмой», как пытался убедить Европу француз Астольф де Кюстин в 1839 году, и уж тем более «тюрьмой народов» — как именовали Австрийскую империю, пока Ленин в 1914 году не стал называть так империю Российскую. Достаточно сравнить национальную политику Российской империи с колонизаторской политикой Британии в Индии, бесчеловечной эксплуатацией Бельгией конголезцев на каучуковых плантациях Конго, японским этноцидом айнов, тотальным уничтожением колонизаторами коренного населения Северной и Южной Америки (индейцев и инуитов).

Естественно, что большевистский подход к решению национального вопроса коренным образом отличался от имперского. Прежде всего, ленинским федерализмом, правом наций на самоопределение, вплоть до отделения, дарованием территориально-национальных и культурно-национальных автономий.

Для борьбы с самодержавием нужно было заручиться поддержкой национально-освободительных движений в империи — от Финляндии до Средней Азии, от «Дашнакцутюна» до Бунда и, конечно, на Украине. На заре создания Советского Союза в 1922 году победила ленинская концепция равноправного федеративного союза республик, хотя уже тогда Сталин видел в этом угрозу коммунистическому единству и предлагал государственное устройство путём вхождения республик в состав РСФСР, называя это планом автономизации, по которому будущие союзные республики должны были иметь равные права с автономными. В этом случае РСФСР становилась бы централизованным государством с опорой на русский народ. Но Ленин с этим был не согласен (как, впрочем, и с предложением «украинских самостийников» — Х. Раковского, Н. Скрыпника и М. Фрунзе — о создании конфедерации). Причина объяснялась в самой Конституции 1924 года: добровольное объединение равноправных народов должно было послужить «решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республи-

ку». И хотя «Мировой Республики» так и не возникло, большевистский конструктивистский проект утопического коммунистического будущего стал мощным фактором глобальных социальных и политических изменений во всём мире, обеспечив на семь десятилетий устойчивый биполярный миропорядок. Православное мессианство, укоренённое в концепции «Москва — Третий Рим» и получившее русско-национальное развитие благодаря славянофилам, Достоевскому и русским философам, уступило место другой утопической идее — большевистскому мессианизму.

В то же время ленинский конструктивизм внутри СССР заложил неравноправие союзных и автономных республик, краёв и областей, установил на карте административно-территориальные границы, которых прежде не существовало, сформировав квазигосударственность даже у тех народов, которые прежде ею не обладали. Вождь пролетариата, веривший в постепенное отмирание государства, считал границы между республиками временными тактическими компромиссами перед ущемлённым национальным самосознанием. Федерализм, обладая и мощным созидательным потенциалом, и скрытыми рисками, прекрасно демонстрировал один из законов диалектики — единство и борьбу противоположностей.

Политика коренизации означала повсеместное введение в школах республик родных языков, использование их в качестве языков делопроизводства, вовлечение в партийные, педагогические и хозяйственные элиты национальных кадров. Это содействовало активному развитию в СССР этнографической науки и этнолингвистики, самобытной переводческой школы, небывалому размаху подготовки национальных педагогических кадров. В 1932 году преподавание велось уже на 104 языках. Это разительное отличие национальной политики Советской России от колониализма буржуазных демократий обеспечило на многие годы симпатии к СССР национально-освободительных движений во всём мире. У мира появилась глобальная политическая альтернатива.

Однако к середине 1930-х годов советскому руководству стало ясно, что помимо бесспорно позитивных последствий ликвидации

безграмотности, просвещения, обеспечения этнокультурных прав прежде «ущемленных» народов (своя письменность появилась еще у 46 народов СССР), их ускоренного развития на пути к пролетарскому интернационализму и появления многочисленных национальных кадров (в том числе лично обязанных Сталину, продолжавшему внутрипартийную борьбу с наследием Троцкого), коренизация привела к угрожающей практике ущемления прав русского населения. Обострились сепаратистские, а на Кавказе и в Средней Азии — пантюркистские и панисламистские настроения, давшие повод партийным органам заговорить о национальном (нерусском) шовинизме.

Для централизации государства потребовалось укрепление роли русского народа. На помощь первоначально была призвана... русская классика. Начиная отмечаться годовщины прежде «классово чуждых» русских писателей: Н. Лескова (дотоле — буржуазный писатель из потомственных дворян, критик революционного нигилизма и певец русских праведников), М. Салтыкова-Щедрина (дважды вице-губернатор), А. Чехова (пессимист), а в 1937 году с небывалым общесоюзным размахом проходят мероприятия, посвященные 100-летию со дня смерти великого русского поэта А. Пушкина, подготовленные Всесоюзным Пушкинским комитетом во главе с Максимом Горьким. Именованный прежде историком М. Покровским «идеологом дворянства» и «певцом и слугой царизма», Пушкин был признан создателем русского литературного языка (!) и обличителем самодержавия.

В этот период оказался востребованным и прежний (дореволюционный) маркер, цементирующий страновую идентичность, — русский язык. Незнание громадной частью нерусского населения русского языка ограничивало пространственную мобильность советских граждан, столь необходимую для мобилизационной экономики СССР, интеграцию нацменов (новый советский термин, не имевший тогда негативных коннотаций) за пределами республик и не способствовало строительству гармоничных межнациональных отношений. Но самое главное — отсутствие знания русского языка препятствовало формированию общего культурного кода у этой множественной этнической сложности.

Как для бетона нужны не только заполнители (щебень, гравий), но и связующее (цемент), так и для укрепления общесоветской идентичности потребовался русский язык, открывавший доступ народам России к достижениям великой русской культуры и на многие десятилетия укрепивший общее культурное пространство. В действительности же русская цивилизация возвращалась к собственной идентичности.

В 1938 году постановлением «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» русский язык стал обязательным предметом изучения в национальных школах. При том что языками обучения по-прежнему оставались родные языки. Всеобщее изучение русского языка обосновывалось тогда прагматичными соображениями (а какими ещё?): а) необходимостью иметь общий язык в многонациональном государстве (язык межнационального общения); б) необходимостью знания русского языка для высшей подготовки нерусских кадров; в) требованиями обороны (до 1939 года сохранялось освобождение от армии для многих окраинных народов, однако и после введения всеобщей воинской повинности выяснилось, что большинство выходцев с Кавказа и из Средней Азии не могут служить, поскольку не знают русского языка). Но, как упоминалось выше, реальные причины были иными. К этому времени стала окончательно сворачиваться десятилетняя практика создания алфавитов на латинице, начался переход на кириллицу. Это облегчало изучение народами России русского языка и отрывало национальную интеллигенцию от чуждого зарубежного культурного и отчасти религиозного влияния. А идея Мировой Республики Сталина не прельщала никогда. Начинается длительный период усиления роли русского языка, возвращения русскому народу, по сути, государствообразующего значения. Единственной (двухмесячной) ревизионистской попыткой отступить от этой тенденции стали в 1953 году т. н. реформы Л. Берии, поддержанные Н. Хрущёвым. Они предполагали ускоренную коренизацию, чистку представителей нетитульной национальности в силовых органах, вузах и органах власти союзных республик. Арест Берии остановил этот процесс.



Иллюстрации из альбома
Г.-Т. Паули «Этнографическое описание
народов Российской империи» (1862).



Более подробно можно посмотреть на сайте АНО «Руниверс»: <https://runivers.ru/library/16792.html>

Государственные меры 1930-х гг. и позднее по усилению роли русского языка как языка межнационального общения не стали отказом страны от культурного многообразия, но явились своевременным признанием того неоспоримого исторического факта, что для выживания огромного полиэтнического организма необходима единая операционная среда. Государство остро нуждалось в опоре на русскую культуру, язык и, в конце концов, на русское большинство. Признание неформализованного статуса русского народа («старший брат») было не вопросом национального (этнического) превосходства русских, а вопросом выживания отечественной государственности как таковой. История нашей страны показала, что, как только русский «хребет» отечественной государственности хиреет и ослабевает, активизируются деструктивные процессы — социально-политические остеопорозы и артриты поражают части (республики, регионы) государственной костной ткани. В этом случае достоинства федерации оборачиваются ее диалектическими недостатками, и «мины», заложенные конструктивистским подходом большевиков при создании СССР, начинают детонировать, превращая административные границы в линии межнациональных фронтов.

Поэтому в Советском Союзе, с учетом имперского опыта, была выработана формула, актуальная и сегодня: миссия (старшинство) большой нации заключается в поддержке и развитии малых (младших) культур внутри общего безопасного цивилизационного поля. Конечно, концепция государства как семьи семей была придумана еще в Российской империи. В Советском Союзе ее воспроизвели на новом этапе развития русской цивилизации, назвав советской дружбой народов.

В русском языке и советской политической культуре окончательно оформилась двойственность понятия «национальный»: «национальный» как этнический — например, национально-культурная автономия, национальный вопрос, графа «национальность» во всесоюзных, а затем и во всероссийских переписях населения (кстати, в научный оборот термин «этнос» ввёл в 1923 году русский антрополог С. М. Широкогоров); «национальный» как общегражданский, страновой — национальный

интерес, национальная безопасность, национальная экономика.

В 1990-е годы эта двойственность проявилась неожиданным образом, когда президентом Б. Н. Ельциным был употреблён термин «россияне» — хотя и использовавшийся ещё с XVI века применительно ко всем жителям Великой, Малой и Белой Руси, но к тому времени архаичный и в Советском Союзе давно позабытый. Однако после распада СССР, стремясь обойти тему обострившихся межнациональных (межэтнических) противоречий (в том числе по вопросу административно-территориальных границ), роста этнического самосознания и автономистских настроений с неизменным историческим счётом к русскому народу, Ельцин предложил, как ему казалось, нейтральную общегражданскую формулу единения, которая бы объединила граждан разных национальностей и помогла сохранить федерацию. Однако жизнь сложнее кабинетных определений. Термин «россияне» приживался плохо. Подозрительная национальная интеллигенция увидела в этом термине попытку унитаризма, а часть русской — уступку этносепаратизму за счёт самих русских.

Но терминологические проблемы не решаются взаимными подозрениями. За пределами страны, в иноязычной среде разделение на «русских» и «россиян» исчезает. Весь мир называет нас Russians, не делая различий между проживающими в России аварцем, чеченцем, татаринцем, украинцем или удмуртом, не различая столичного жителя, обитателя казачьей станицы или уроженца горного аула. И это не лингвистическая небрежность, не бестактность, а интуитивное признание общего цивилизационного поля. И, пожалуй, одновременно бессилие перед мощной тысячелетней историей этногенеза, на протяжении которой разные народы России вносили свой вклад в нациестроительство и воевали под общими знамёнами русского царя, императора, а потом и единого Советского Союза.

Фундаментальную формулу уместной многоуровневой идентичности в своё время вывел дагестанский поэт Расул Гамзатов: «В Дагестане я — аварец, в России я — дагестанец, а за границей я — русский». Здесь нет противоречия или отказа от корней. Напротив, пе-

ред нами предстаёт стройная иерархия самоопределений. Человек может обладать этнической идентичностью (аварец), региональной гордостью (географическая идентичность — дагестанец) и при этом быть носителем русского цивилизационного кода, который делает его частью огромной культурной державы.

В современной России, в том числе на фоне героизма военнослужащих разных национальностей и их боевого братства, мы наблюдаем важный этап взросления российского общества: сочетания «русский чеченец», «русский татарин» или «русский якут» перестают восприниматься оскорбительно или как оксюмороны.

В условиях современной зрелой государственности слово «русский» возвращает себе статус цивилизационного маркера, не исчезая и как этнический для большей части граждан России.

От инвестиций в окраины до «реальной политики»

История российского государственного строительства — это не линейный путь безошибочных решений, а серия сложнейших, не без ошибок, но в целом удачных стратегий и экспериментов по культурной интеграции гигантских пространств и инокультурных сообществ. Удачных — потому что иначе самое большое пространство в мире, стратегическое по своему положению (Хартленд) и богатейшее по запасам природных ресурсов, не существовало бы столь длительное время как единый государственный организм. Ключевое отличие России от западных колониальных держав заключалось в иных стратегиях взаимодействия с сообществами на новых территориях, что в частности, характеризуется вектором движения ресурсов.

Если западные метрополии истребляли население завоёванных территорий, выкачивали богатства из колоний для процветания центральных (колониальных) элит, насаждали свой образ жизни как универсальный и доминирующий, то Россия веками реализовывала стратегию «инвестиций в окраинные территории». Инвестиций в экономику, просвещение, общественные институты с учетом

местной этнорелигиозной специфики и менталитета. Эта модель — развитие периферии за счёт центра — отличала Российскую империю и стала фундаментом советского «конструктивистского проекта».

Так своеобразно в Советском государстве реализовывались русский мессианизм и иррациональность, создавая устойчивость и управляемость пограничья. Государство поддерживало этот энтузиазм развития, содействуя новому народничеству: русские инженеры, строители, учителя, врачи, управленцы ехали в дальние регионы с ясно осознанной миссией — проектировать, строить, просвещать, лечить, созидать. Это бескорыстное служение тоже являлось частью цивилизационного русского кода.

В национальных республиках (неюридический термин, означающий республику с титульной нацией — ещё одним неюридическим термином, обозначающим народ, давший название республике) формировалась хозяйственная специализация, с нуля создавались целые отрасли: перерабатывающая промышленность, автомобилестроение, радиоэлектроника, авиастроение, высокотехнологичные производства, портовая инфраструктура, активно развивалась система высшего образования. Среднеазиатские республики получили развитую лёгкую и химическую промышленность, машиностроение, электроэнергетику, а прежде преимущественно аграрные Прибалтика и Украина превратились в передовые промышленные витрины Союза. Однако у этой медали была обратная сторона: советские индустриальные гиганты не были самодостаточными организмами. Только являясь узлами единой общесоюзной сети кооперации, они могли дать синергетический эффект.

После распада СССР и разрыва технологических цепочек взаимозависимости большинство крупных и всемирно известных производств оказалось экономически несостоятельным. Так, технологически развитые прибалтийские республики (с производителями мирового уровня: «ВЭФ», «Радиотехника», Рижский вагоностроительный завод, «РАФ») превратились в нищие вымирающие страны, чья промышленность тихо умерла без дотаций и рынков «большой страны». Субсидии Евросоюза стали горькой пилюлей за уничтожение

местной промышленности в интересах европейских производителей. И в этом разительное отличие столь хулимых «имперской» России и Советского Союза от «просвещённого» Запада с его ценностями острова Эпштейна.

Зеркало Украины: опасность деконструкции реальности

Украинский кризис последних десятилетий — результат катастрофического по последствиям западного эксперимента по реформатированию украинской идентичности. Сегодня Украина — кривое «зеркало» любой многоукладной сложности. На этом примере видно, что происходит, когда государственное строительство начинает игнорировать реальную ткань истории в угоду искусственным идеологическим конструктам. Компромиссные Минские соглашения предлагали Украине стать федеративным государством. Киевский марионеточный режим предпочел остаться «анти-Россией», втянув страну в войну «до последнего украинца».

Корни сегодняшней драмы уходят в волюнтаризм советских элит. Новороссия и Крым оказались в составе Украинской ССР не в результате этногенеза или естественного этнокультурного процесса, а вследствие ленинских административных решений, пролоббированных украинскими партийными функционерами. Передача портовой инфраструктуры Новороссии вместе с Донбасским угольным бассейном и инженерно развитым Харьковом была попыткой большевиков сбалансировать экономику и классовый состав республики, добавив к сельскому населению Западной и Центральной Украины пролетариат промышленного Востока. Позже Н. С. Хрущев присовокупил к этому уравнению рекреационный потенциал Крыма, довершив формирование завышенной украинской самооценки и самоуверенности, которая при распаде СССР сопровождалась победоносным кличем «Хватит кормить Москву!» и необъяснимой русофобией. Русофобией столь идиотической и несправедливой, что даже находившийся в эмиграции поэт Иосиф Бродский, имевший счет к СССР, написал яростный обличительный памфлет «На независимость Украины»:

— *Прощевайте, хохлы!
Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро:
может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый,
битком набитый
отвернутыми углами и вековой обидой...*

В результате десятки миллионов людей с русской идентичностью оказались заложниками нового искусственно созданного государства под названием «Украина». Республика, лоскутно скроенная из территорий с разным культурным укладом, языками и менталитетом, прежде удерживаемая советской идеологией и партийной дисциплиной, затрещала по культурным фронтам: Крым, Донбасс, Одесса, Харьков, русинско-венгеро-румынское Закарпатье.

Украина могла выбрать один из трёх сценариев: а) распад по цивилизационным границам; б) федерализацию через предоставление широкой культурной и экономической автономии Крыму и Новороссии; в) насильственную украинизацию через геноцид русского населения (даже под угрозой вмешательства России, готовой защитить своих соотечественников). Под диктовку американских и британских политконсультантов киевский режим выбрал третий путь.

Однако до прямого насилия нужно было устроить разруху в головах (как тут не вспомнить Михаила Афанасьевича Булгакова, памятник которому в целях «декоммунизации» также снесли в Киеве). Нужно было поработать с идентичностью украинской нации, которой не было. Ни нации, ни идентичности. Начали с тотальной деконструкции истории. Украинизация всего (школы, политики, кадров, истории) шла параллельно дерусификации (поначалу вроде бы потешной и анекдотичной, в духе лозунга «Слава Богу, не москаль!», а затем всё более злобной и репрессивной). Потом началась тотальная декоммунизация — дискредитация и вытравливание всего советского. Никого не смутило, что советское наследие — это не только сносимые памятники Ленину («ленинопад») и советскому солдату, но и атомные электростанции, мосты, дороги, метрополитен, авиационные и

машиностроительные заводы, да и вся городская инфраструктура.

После начала СВО вместе с дерусификацией и декоммунизацией активно начался демонтаж всего, имеющего отношение к русской цивилизации, истории и культуре. Началась борьба с памятниками Екатерине Великой, Пушкину, Суворову и даже равноапостольному князю Владимиру, крестителю Киевской Руси. Не смущало и то, что если последовательно убирать из истории Одессы, Харькова, Николаева или Киева всё русское и советское, в сухом остатке остается Дикое поле. Попытка достичь «чистого украинства» приводит в историческую пустоту, которую заполнили западенским субстратом из бандеровщины. И там, где это менее всего действенно (в Одессе), там более всего лютует ТЦК. Антироссия во всем своем бесстыдном людоедстве.

Лингвистический аспект деконструкции прежней (русско-советской) идентичности Востока Украины с начала распада СССР был осознанной гуманитарной интервенцией. Западенская (галицийская) норма языка активно навязывалась в регионах, где веками говорили на русском или суржике. Например, для жителей Запорожья или Крыма суржик был живой, органичной формой речи, а навязываемый украинский язык — чуждым идеологическим инструментом. Причём совершенно бесполезным, в отличие от русского языка — языка не только богатой культуры, но и технической грамотности. Перевод инструкций по работе Запорожской АЭС на украинский язык не состоялся, т. к. грозил созданием аварийных ситуаций.

Главный урок, который дает нам кривое украинское зеркало незалежности, заключается в том, что нельзя строить будущее, отрицая реальность всего прошлого.

Попытка «отменить» исторические пласты прошлого, которые кажутся неудобными и чужими, неизбежно приводит к просадке существующего государственного фундамента. Государство, которое борется с собственной историей, лишает себя будущего, превращаясь в змею, пожирающую собственный хвост («до последнего украинца»). Сложное межэтническое единство невозможно там, где одна

часть реальности пытается упразднить другую с целью обеспечить гармонию кладбища.

«Аврал», «авось» и квантовые скачки цивилизации

Национальный характер — не совокупность случайных качеств. С одной стороны, русский характер закалялся и выкристаллизовывался под встречным давлением восточных орд и западного латинского вторжения. Отсюда, при всем долготерпении, неимоверная сила сопротивления и готовность биться до последней капли крови. Отсюда — самопожертвование и внутренняя ярость, про которую писал Пушкин, говоря: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Не зря русский народ столько веков изображается на Западе медведем — неуклюжим, но самым страшным и сильным лесным зверем. С другой стороны, русский характер формировался в экстремальных климатических условиях, при ярко выраженной сезонности и бескрайних просторах. Почти половина территории страны приравнена к арктической зоне, что наложило неизгладимый отпечаток на «коллективное бессознательное», на две «А» русского характера: аврал и авось. Непереводимое на другие языки «авось» уходит корнями в древнерусский язык и аграрный уклад. Русский крестьянин (да и финно-угорский, например) веками жил в условиях короткого и непредсказуемого лета. Понятие «страда» (этимологически родственное слову «страдание») означало период, когда работа велась в почти круглосуточном режиме. Но даже предельное напряжение сил не гарантировало результат: внезапный град, засуха или заморозки могли уничтожить урожай в одну ночь. Когда человек понимает, что финальный результат зависит от факторов, на которые он не может повлиять, рождается русское «авось» — надежда на удачу. Это — не лень, а иррациональное доверие судьбе, понимание того, что в мире всегда есть место случаю и провидению.

«Авось» не отменяет «аврала», а, напротив, подготавливает почву для него. Нация, привыкшая к непредсказуемости природных стихий, выработала способность к взрывной мобилизации. Россия — это цивилизация, ко-

торая может долго находиться в полуспящем, созерцательном состоянии, но в критический момент способна на невероятное напряжение сил и рывок, кажущийся невозможным с точки зрения логики других наций.

В этом контексте уместно говорить о России как о «квантовой цивилизации». Исторически мы часто демонстрируем нерасположенность к планомерному, рутинному «процессу», который является гордостью западной цивилизации. Немецкий работник, получив на свой вопрос о дедлайне нового задания ответ начальника «вчера!», сочтет задачу нереальной, руководство — некомпетентным и откажется работать. Американец грубо выругается. Британец галантно отправит начальника в пешее путешествие, изящно и виртуозно отказавшись выполнять поручение. И только для нашего человека режим «сверхзадачи в невозможные сроки» является нормативным и мотивирующим на подвиги. Именно такой мобилизационный режим включал наш многонациональный народ, когда изгонял тевтонских, французских и немецких оккупантов. Благодаря народной мобилизации создавались самые значимые отечественные проекты: борьба с безграмотностью, электрификация всей страны, атомная промышленность, восстановление экономики после войны, прорыв в космос, освоение целины. Мы не идем по ступеням — мы совершаем квантовый скачок из точки А в точку Д, минуя пару промежуточных стадий.

Эта «квантовость» цивилизации неразрывно связана с иррациональностью нашего сознания. Тютчевское «умом Россию не понять» — не просто поэтический образ, а диагноз и констатация факта: русская цивилизация оперирует иной рациональностью, где вера и интуиция значат не меньше, чем расчёт. Непредсказуемость нашей иррациональности для внешнего мира, приоритет духовного над материальным — это не слабость, а стратегическое преимущество. Непрагматичность веры, свойственный нам идеализм (теперь столь чуждый Западу), человечность (как гуманизм, подлинный смысл которого утрачен западной цивилизацией), непостижимая для западного человека самоотверженность (качество отечественного героя нашего времени, наследующего героям-предкам), наконец, коллективизм — позволяют нам выходить из

тупиков, которые кажутся фатальными для обществ, привыкших к линейному развитию.

Как часто бывает, за силой кроется и уязвимость: без «Большого проекта», без высокой миссии, без утопической цели мобилизационный психотип нации начинает хандрить. Мессианство — это потребность созидать новый справедливый миропорядок (будь то защита вселенского православия Третьим Римом или Священный союз как наивная инициатива императора Александра I по сохранению европейских монархий, мировая революция или исполнение интернационального долга). Мессианство — это желание спасти мир (от нацизма, ядерной катастрофы, неонацизма и неоколониализма).

Мессианство — это бескорыстное служение другим без поиска выгоды для себя (просвещение и дарование письменности бесписьменным народам, экономическая помощь странам третьего мира, гуманитарная помощь народам Африки, Азии и Латинской Америки).

Эта потребность помогать, спасать и созидать ради того, чтобы мир был справедливым, является необходимым топливом для российского цивилизационного двигателя. Только в движении к великой цели нация двух «А» обретает своё подлинное вселенское, как говорил Достоевский, значение.

Модель сосуществования: большинство не подавляет

Единство сложносоставной системы всегда балансирует между двумя разрушительными (для системы) крайностями: хаосом разрозненных фрагментов и мертвенной унификацией. Опыт западных обществ последних десятилетий демонстрирует глубокий кризис модели «плавильного котла». По сути неоколониальная модель социокультурной ассимиляции мигрантов во Франции, Германии, Британии и США, направленная на превращение их в «истинных европейцев» и «подлинных американцев», потерпела крах. Статистика выявила прямую зависимость между обострением криминогенной обстановки и поведением прибывающих сообществ. Попытка решить вопрос через позитивную дискриминацию —



Иллюстрации из альбома
Г.-Т. Паули «Этнографическое описание
народов Российской империи» (1862).

наделение мигрантов большими правами, чем старожильческое население, — оказалась ещё одним тупиком либерализма. Местное население оказалось настолько бесправным, что покидает прежние места проживания, спасаясь от насилия мигрантов. В Европе, Канаде и США возникают города с преобладающим составом неграждан или граждан этих стран в первом поколении.

Сложился феномен «второго поколения». Если первое поколение переселенцев часто готово «гнуть шею», подстраиваться под чужие социальные стандарты, осознавая собственную вторичность и плохое знание местного языка, то поколение детей — в том числе родившееся в другой стране — чаще всего входит в клинч с государством и обществом. Дети не хотят быть «вторым сортом», их протест обращён против общества, «унижающего» их родителей. Поколение детей начинает агрессивно защищать своё право на сохранение цивилизационной идентичности (даже если не способно описать её словами), что ведёт к всплескам самоорганизованного насилия и асоциальности. Западная «жёсткая регуляторика» и требования полной социокультурной ассимиляции превращают инокультурную среду в генератор конфликтов.

Российская модель сосуществования принципиально иная. Она различает интеграцию культурных кодов народов России и социокультурную адаптацию трудовых мигрантов (без их интеграции). Первая базируется на понятии многоукладности. В одном российском цивилизационном поле органично соседствуют разные уклады и образы жизни. Россия — это мир, где одновременно существуют постсовременные мегаполисы, мощные высокотехнологичные центры Поволжья и индустриальный Урал, традиционные уклады Кавказа и архаичный кочевой быт некоторых коренных малочисленных народов Севера. Эта многоукладность не просто «допускается» государством, она защищается на законодательном уровне. Так было и в Российской империи, и в СССР, и в Российской Федерации (например, применительно к сохранению культурной самобытности, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). Конечно, эта многоукладность только тогда успешна, когда большинство не подавляет меньшинство. И русское большинство, составляющее, согласно последним переписям, около 80% населения, не подавляет. Доминирующая эт-

ническая (русская) и религиозная (православная) части российской нации несут миссию социального гаранта многообразия. Эта модель работает лишь до тех пор, пока соблюдается баланс общественного договора. Единство — это уравнение, в котором важны обе части. С одной стороны — полное обеспечение прав малых сообществ и их самореализация (например, в Российской империи карьерные и социальные лифты для представителей народов Кавказа, буддистов, старообрядцев были созданы через военные, торговые или научные элиты). С другой стороны — учёт и соблюдение прав и интересов русского народа, «хребта» государственности. Любой перекося в этом уравнении фатален.

Мудрость темпа развития

Цивилизационная идентичность базируется на традиционных ценностях (цивилизационных константах) и изменяется достаточно медленно. Достижения результата приходится ждать порой десятилетия. Например, во время Всесоюзной переписи населения в 1937 году выяснилось, что из 98,3 млн опрошенных 56% оказались верующими! И это после 20 лет строительства советского общества с мощной антирелигиозной пропагандой. Эту особенность цивилизационных изменений необходимо учитывать при работе с идентичностью, которая, конечно, не является застывшим монументом или «скрижалю», высеченной навечно. Идентичность медленно, но меняется, адаптируется. Другой вопрос — под влиянием каких факторов (внешних или внутренних, деструктивных или укрепляющих)? Некоторыми политологами, политтехнологами и специалистами по социальной инженерии сильно недооценивается консервативность цивилизационных ценностей.

А ведь любое конструирование и развитие требует государственной мудрости — способности вовремя распознать «тупик», отказаться от того, что перестало работать. Бывают моменты, когда действующие идеологемы входят в неразрешимое противоречие с реальностью. Ярчайшим примером стал идеологический манёвр сталинского руководства в годы Великой Отечественной войны. Когда Советскому Союзу для мобилизации нации на священную войну против нацистских захват-

чиков потребовались национальные герои прошлого, Сталин вспомнил и великого князя Александра Невского, и дореволюционных полководцев Суворова с Кутузовым, и христианское обращение «братья и сёстры». Перед лицом экзистенциальной угрозы государство нашло в себе силы отказаться от радикального антиклерикализма и вернуть религии социальную функцию и институциональность (открыть храмы, созвать Архиерейский собор 1943 года, разрешить избрать патриарха, вести духовно-патриотическую деятельность). «Шаг назад» с точки зрения ленинских догм оказался гигантским шагом вперёд для объединения народа и спасения отечественной цивилизации. Как показала многовековая история, подлинная сила государства заключается не в попытке унифицировать реальность, а в способности развиваться вместе с ней.

Один из главных уроков анализа национальных процессов — это понимание того, что нормы культуры, языка и даже самой этничности консервативны, но подвержены изменениям. Признание этой динамики избавляет нас от страха перед переменами, если только эти перемены не направлены на деконструкцию идентичности.

Вот и Россия как «квантовая цивилизация» способна преодолеть любые кризисы идентичности до тех пор, пока мы не поддаёмся соблазну «отмены» собственного прошлого или деконструкции реальности. Наши непредсказуемость, мессианизм, иррациональное «авось» и мобилизационный «аврал» — это инструменты, позволяющие нам совершать прорывы там, где другие видят лишь тупики.

В мире, где всё чаще выбирают путь упрощения и жёсткой сегрегации, российский опыт сосуществования сложностей остаётся уникальным ресурсом. Мы — нация, которая умеет объединять мегаполисы и кочевья, космос и древнюю веру, промышленный прагматизм и мессианский порыв. И в сохранении этого многоукладного симфонического целого, удерживаемого русским культурным кодом, заключается залог нашего суверенитета и нашего будущего. История не заканчивается — она продолжается в каждом нашем решении по сохранению того великого уравнения, которое мы называем Россией. ●